

Василий Лягоскин

Каменный гость

Пятая книга о Серой Мышке

Василий Лягоскин

**Каменный гость. Пятая
книга о Серой Мышке**

«Издательские решения»

Лягоскин В.

Каменный гость. Пятая книга о Серой Мышке / В. Лягоскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838886-6

Полковник Наталья Крупина опять на острие битвы со злом. Теперь эта битва приобретает совершенно фантастические очертания. Но Серая Мышка, она же агент три нуля один, не может позволить себе поражения. Ведь на кону — жизнь самых близких ей людей. А еще — тайна ее рождения и удивительных способностей, позволяющих ей бороться и побеждать.

ISBN 978-5-44-838886-6

© Лягоскин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Октябрь 2001 года. Токио	6
Полковник Крупина. Гейша... опасная профессия	6
Глава 2. Третье ноября 2001 года. Пригород Тель-Авива	15
Ирина Руфимчик. Пойди туда, не знаю куда...	15
Глава 3. Ноябрь 2001 года. Самый север корейского полуострова	24
Серая Мышка – женщина и монастырь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Каменный гость Пятая книга о Серой Мышке

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2017

ISBN 978-5-4483-8886-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Октябрь 2001 года. Токио

Полковник Крупина. Гейша... опасная профессия

Наталья Юрьевна Крупина задержалась в Москве лишь для того, чтобы понадежнее спрятать новенькие полковничьи погоны. Носить их она пока не собиралась. Сама установила для себя временные рамки:

– До полной победы над врагом... ну, или над врагами.

Один враг уже нарисовался – Соломон; бывший нацистский прихвостень, он же тайный сотрудник НКВД (коллега, блин!), он же богатейший человек на Земле.

– Про таких раньше говорили, – усмехнулась Серая Мышка так, что склонившаяся над ней стюардесса в панике отступила, – как только земля его носит?! Ну, ничего – недолго осталось ему топтать землю; израильскую, или американскую – любую. Уж если у меня не получится остановить эту тварь, то господь бог поможет... Даже если его нет.

Раскосые глаза «японской путешественницы» чуть расширились в примирительной улыбке, и миленькая стюардесса рейса «Москва-Токио» перевела дух; если бы правила позволяли, она бы еще и перекрестилась – настолько ужасным и гневным было только что кукольное лицо японки.

Наталья закрепила на лице улыбку; она ответила, наконец, на вопрос служительницы «Аэрофлота» – на корявом русском языке:

– Кофе, пожалуйста.

Внутри же она попеняла себе; расслабляться агенту три нуля один не стоило даже здесь, в, казалось бы, совершенно безобидной обстановке. Крупина уже там, на ступенях подмосковной президентской резиденции, решила на время исчезнуть. Тем более, что Соломон дал ей полтора месяца передышки.

– Нет, – поправила она себя, – скорее всего это он себе отмерил такой резерв времени, и сейчас в подковерной борьбе за власть и денежные потоки, оставшиеся бесхозными после смерти последних его конкурентов из Семерки, сдвигаются гигантские невидимые пласты, рушатся подпольные финансовые империи. Но это меня совершенно не интересует... Точнее, не интересовало бы, если бы следом не начало трясти и Россию.

Она чуть не добавила в эту черную картину, которую не смог бы отобразить даже гений Казимира Малевича, такие родные имена – Николая, Лидии с Коленькой и Инессы Яковлевны. Нет! Никакого усилия воли не потребовалось, потому что установка – забыть на полтора месяца обо всем, чего она не могла поправить своими силами (пока!) – была намертво закреплена в подкорке. А в сознании попыталась нарисоваться такая радостная картинка... Мышка наконец-то решила устроить праздник своей душе – навестить в японской клинике команду капитана Сабурова. Бойцы лечились в стране Восходящего солнца уже больше года и, как вполне официально докладывали врачи, дело шло к полному выздоровлению. Картинка почти нарисовалась, но тут же смазалась. Японское лицо Натальи заполнилось чуть заметной досадой, когда позади, в проходе, разделяющем бизнес-класс от эконома, раздался какой-то шум и испуганный крик стюардессы.

Наталья допила последний глоток кофе; аккуратно поставила крошечную чашку на поднос и, не убирая обеденного столика, ловко перетекла в проход. Шум несколько приутих, и Крупина невольно усмехнулась в душе, оглядев, словно со стороны, себя, и грузного толстопузого дядьку, который замер в шаге от нее. Ладная, в брючном костюмчике, японка с волосами, стянутыми на затылке в конский хвост и нереально белым, словно накрашенным кукольным лицом, рядом с верзилой в дорогом костюме, явно сильно подвыпившим (еще

и в руках зажата початая литровая бутылка не самого дешевого виски) выглядела ребенком, которого можно было смахнуть одним движением руки. Он и поднял свою толстую и длинную «оглоблю», чтобы нетерпеливо устранить это нелепое препятствие.

Полковник Крупина в те доли секунды, пока здоровяк замахивался, успела прогнать в голове целую россыпь вопросов; и ответить на них.

– Не Соломон ли послал этого пьянчужку? Смысл? Нет, не он! И что теперь с ним делать? Сломать руку? Чтобы оставить след, да еще такой кровавый?

В результате той самой рукой, которой русский дебошир пытался смахнуть с собственного пути японскую куколку, он схватился за грудь – в месте, где вдруг гулко и тревожно заколотилось сердце. Движения руки Мышки не смогла бы зафиксировать даже камера наблюдения; если, конечно, она здесь была. Агент три нуля один такие случайности всегда учитывала. Потому свой короткий, но безжалостный удар она нанесла, почти прильнув к мощному телу, которое обдало ее не менее мощным облаком свежего перегара.

В следующее мгновение она была уже в паре шагов от человека, падающего в застланный ковровой дорожкой проход бизнес-класса. На лице ее явственно читалось желание развернуться, и бежать дальше – к закрытой железной двери кабины пилотов, и в панике стучать по ней кулачками. В то же время люди, что готовы были уже подхватить падающего мужчину, могли удостовериться – надлежащее воспитание японской девушки толкало и ее на помощь страждущему. Но отметить это ее похвальное желание могла разве что та же камера (опять-таки – если она здесь находилась). Стюардесса и еще один пассажир – не такой крупный, как пьяница, неподвижно лежащий на полу лайнера – уже тянули свои руки к нему. Взглядами они были там, на теле пострадавшего, еще раньше.

Наталья чуть нахмурилась. Смерть пассажира на борту, которым путешествовала совсем не простая японка, не входила в ее планы. Почему не простая? Это озвучил тот самый добровольный помощник, который совсем чуть-чуть сдвинулся, чтобы и она могла принять участие в транспортировке тяжеленного тела на свободное кресло. Этого пространства Крупиной хватило, чтобы успеть нажать пальцами на определенные точки. Дебошир, открывающий рот широко, словно рыба, вытащенная из воды, и так же безрезультатно, вдруг вдохнул глубоко, со свистом, а потом уже задышал ровнее, непроизвольно поудобнее умачивая свое массивное тело в кресле.

– Чертов «Аэрофлот», – выдохнул тут же другой пассажир, устраивая ровнее уже голову так и не открывшего глаза здоровяка; он тут же спохватился, – это я не вам, девушка.

Стюардесса – Людмила, как подсказывала пластиковая карточка на ее груди – устало кивнула, а пассажир продолжил:

– Николай Степанович (он даже погладил вспотевший лоб потерявшего сознание пассажира) – депутат Государственной думы. Мы с ним летим в Токио по важным государственным делам; в кассах сказали, что все места в бизнес-классе забронированы, а тут – вот..., – он обвел рукой практически пустой салон для вип-пассажиров, едва не задев замершую на месте японку (ну вот так, потупив глазки, должна она была стоять, внимательно выслушивая мужчину), – ни души. Разве можно представить такое где-нибудь за бугром; где-нибудь в Штатах, или той же Японии?

– Да, – согласилась с ним Наталья, пряча улыбку, – за рубежом мне вряд ли бы удалось выкупить уже проданные кому-то билеты. Вот так – из простого каприза, переплатив втрое...

Путешествие – совсем уже короткое – до аэропорта столицы страны Восходящего солнца продолжилось в компании. «Японка» заняла свое место в кресле – наискосок от того, которое нахально оккупировали российский депутат и один из его помощников. Явно напуганная Людочка (так обращались к ней и депутат, и его помощник) крутилась вокруг них; споро принесла рюмки, потом вполне приличную закуску.

– Кстати, оплаченную из моего кармана, – чуть улыбнулась Наталья.

Улыбнулась не в порыве жадности; напротив – почему-то эта небольшая встряска только подняла ей настроение, а последовавший за первой рюмкой «лекарства» разговор даже позабавил ее, и заставил совсем немного откорректировать собственные планы на японское турне.

– Первым дело, Витюша, – просипел депутат, глотнувший слишком большую порцию спиртного, – повезешь меня к этим... гейшам. Сравним, так ли они хороши, как Иваныч о них рассказывал.

Он что-то бормотал дальше; Витюша согласным на все голосом отвечал ему, а Мышка в душе улыбалась, отстранившись от пьяных голосов. Она сейчас вспомнила знакомую гейшу; удивительную историю знакомства с Микой – Новой луной. Крупина в тот день, точнее, поздний вечер, назвалась Рини, Маленьким зайчиком. Вспомнила и урок, который ей преподнесла опытная гейша. Ей нестерпимо захотелось вернуться в то время, когда на душе не висел тяжелый груз в виде...

– Стоп! – остановила она не успевшие вылезти наружу думы о заложниках, – давай сейчас о хорошем.

Таким «хорошим» для нее стали вытянувшиеся от изумления лица русских, когда она легко встала с кресла и засемила по проходу точно так, как ее учила Мика. Мышка еще и лицу придала совершенно кукольный вид. Она все-таки вспомнила Соломона – ту встречу с ним, когда держала в руках нить жизнь этого старого еврея. Просеменив мимо замолчавших с открытыми ртами соотечественников, она нырнула в туалетную комнату, и уже там улыбнулась в зеркало; по-японски, конечно – предусматривая наличие камеры и здесь, сколь бы смехотворно ничтожной не была такая возможность.

При выходе из самолета – впереди основной толпы пассажиров, услужливо задержанных Людмилой, двое мужчин замерли в креслах, с предвкушающими лицами – явно пропуская «японочку» вперед. Но Наталья еще одного спектакля устраивать не стала. По трапу на асфальт вприпрыжку сбегала по внешнему виду студентка, а скорее, школьница-старшеклассница, которую, быть может, родители за примерное поведение поощрили путевкой в Россию. Наталья действительно назвала адрес окия, домика для чайных церемоний в старом квартале Токио. Таксист дисциплинированно кивнул и вклинился в поток автомобилей – в основной своей массе малолитражек.

– В России, ты, дружок, так смело не вел бы себя, – Серая Мышка вспомнила автомобильных монстров – подержанных, и оттого еще громче рычащих – в последние годы заполнивших улицы Москвы.

Внешне на заднем сидении сидела по-прежнему благовоспитанная студентка, одарившая таксиста совсем скромными чаевыми, и в растерянности остановившаяся перед закрытыми дверьми окия.

– Ну вот, – с непонятной для себя печалью констатировала Мышка, – кажется, настоящих гейш в Токио стало еще меньше.

Появилась мысль навестить Мику в ее доме; адреса и имена из тренированной памяти агента три нуля один вытравить было невозможно. Появилась и исчезла, когда за спиной раздались семенящие шаги и глубокий женский вздох показал, что не только она, русская гостья, грустит здесь об уходящем. Она совсем не удивилась, когда повернулась, и обнаружила рядом ту, встречи с которой ждала. Озорство, до сих пор чуть бурлящее в крови, как пузырьки в открытой бутылке шампанского, заставило ее низко наклонить голову, и печально вздохнув, засеменить прочь, теперь семенящей походкой гейши, несущей поднос с чаем.

– Подожди, – остановил ее оклик Мики, – я тебя знаю?!

Спектакль продолжился.

– Да, госпожа, – Мышка поклонилась гейше и так и замерла в неудобной позе, к которой настоящие японские кудесницы привыкают годами.

– Рини! – каким-то чудом гейша все-таки узнала Крупину, и даже выдала телом намерение броситься к ней, к давней мимолетной знакомой, которая, скорее всего, и послужила причиной разительных перемен в жизни и ее, и других обитательниц окия.

Она тут же скомкала свой порыв – причем, как несколько запоздало поняла Наталья – не потому, что подавила его. Нет – в лице опытной гейши, не испорченном ни капелькой грима, отобразилось нечто, не связанное с этой неожиданной встречей. Тело агента три нуля отреагировало на неведомую пока угрозу раньше, чем она проявилась на лице Мики. Наталья бросилась вперед и в сторону, на ходу отбрасывая от траектории возможного удара и японку. Будь в этом пространстве тихой улочки хоть одно место, где человек смог бы укрыться от злого роя пуль, прочертивших алую строчку на груди пожилой гейши, нападавшим пришлось бы очень несладко. Серая Мышка, в которой лирическое настроение сменилось холодной злостью уже при виде замка на двери окия, сейчас готова была разить налево и направо, не думая о последствиях. Не потому, что Мышка в такие мгновения превращалась в дикого зверя; просто она не раз убеждалась в своей богатой на события жизни, что иногда действительно нет времени на такой анализ; что надо бить в полную силу... повернуть ситуацию в свою пользу, а уже потом, с позиции победившей стороны, определить кто прав и кто виноват. И, быть может, великодушно простить и тех, и других. Естественно, выживших.

Увы – кто-то весьма неглупый, наслышанный о боевых возможностях агента три нуля один (а может, и видевший уже ее в деле) спланировал операцию так, что выскользнуть из ловушки не смогла бы даже обычная мышь. Пули из едва слышно стрекотавших автоматов, следы которых она успела отметить на груди, а потом и остальных частях тела Мики, заполнили этот тихий переулок так, что избежать их всех было просто невозможно. Наталья, уже перекатившаяся по коротко стриженному газону под так же аккуратно ухоженный куст, почувствовала, как в спину, под левую лопатку, что-то больно ужалило. О том, что судьба, скорее всего, покарает Соломона без ее участия, додумать она не успела...

– Нет! – злая радость заполнила тело даже раньше, чем Наталья попыталась тряхнуть головой, изгоняя из нее остатки тяжелого дурмана, – все-таки без меня не обойдется. Мы еще повоюем!

Продолжить мысль, не законченную сознанием перед тем, как провалиться в бездонную черную яму небытия, получилось, а вот тряхнуть головой... Увы – и голова, и все остальное тело, лишенное и одежды, и любых признаков онемения, присущих долгой неподвижности и влиянию какого-то сильного, мгновенно действующего снотворного – были надежно закреплены чем-то...

– Ремнями, – констатировала Наталья, разглядывая себя в зеркальном потолке, – а что, неплохо выгляжу!

Это она мысленно обратилась к мужчинам, столпившимся вокруг ложа, на котором была распластана обнаженная женщина. Узнать вот так – сверху, в зеркале, в котором, прежде всего, отражались стриженные затылки людей, японцев, было весьма нелегко; даже для агента три нуля один. Разве что громадную фигуру бывшего сумоиста, замершую у двери, которую Наталья разглядела, лишь закатив глазные яблоки до отказа вправо, она узнала сразу.

– Значит, – сообразила она, – человек в адмиральской форме – это Ватанабэ, бывший командующий военно-морской базы Йокосука. Почему бывший? В том числе и потому, что на его погонах – на каждом – стало на две большие звезды меньше. Как вообще погоны оставили? И почему этот самурай не свершил обряд сепукку? Видимо, в нем ничего самурайского не осталось!

Последнее утверждение прозвучало в тишине, царившей в большой палате, громко, на безукоризненном японском языке. Поэтому ничего удивительного не было в том, что адмирал дернулся всем телом, и стремительно шагнул вперед, поднимая для удара стиснутый кулак. Резкий окрик другого японца – повелительный и недовольный – не остановил Ватанабэ,

но заставил метнуться огромного, но очень подвижного телохранителя к охраняемому телу. Так что адмиральский кулачок опустился только один раз – прямо на Мышкин нос. Боль, пронзившая Наталью, была ожидаемой, хоть и весьма неприятной.

– Еще и набок свернул, сволочь!

Злобы в этих словах Крупиной, произвольно мелькнувших в голове, не было. Ведь эта вспышка ярости была инспирирована Мышкой, а значит, она уже не чувствовала себя сейчас подопытным животным, готовым к препарированию. Еще – прежде, чем внешне ухудшить свое положение, а на самом деле показать противникам, что перед ними лежит жертва, едва управляющая своими эмоциями – она успела подивиться, сколько яростной силы оказалось в порыве адмирала; здоровяк-телохранитель едва удерживал его сейчас.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она его (сумоиста) – за те несколько секунд, что он подарил Мышке, тщетно пытаясь оттащить сухощавого Ватанабэ от ложа.

Этих мгновений как раз хватило, чтобы рот Натальи заполнился кровью от лопнувших сосудов в носу. Густой кроваво-красный плевок в физиономию адмирала ошеломили и этого японца, и того, чья круглая бритая голова возвышалась над бывшим начальником военно-морской базы. И еще одно слово прозвучало хлестко, как кнут, рассекающий воздух:

– Недостойно!

В этот выкрик Наталья постаралась включить не только собственное презрение, но и всплывшие вдруг в памяти интонации Великого Дракона, главы клана якудза, с какими он обращался к окружающему миру. И это ей, по-видимому, удалось. Потому что лица и японцев, нависших над ней, и двух их соотечественников, до сей секунды вполне благосклонно, с хорошо заметными насмешками наблюдавших за этой «битвой», заполнились неподдельным раскаянием. Казалось – мгновение, и они вчетвером бросятся распутывать ремни на женском теле, старательно отворачивая взгляды от его наготы. Мгновение это, как бы ни было длинным, закончилось, и в комнате прозвучал уже мужской голос. Без перевода было понятно, что это команда. Телохранитель отреагировал на нее мгновенно. Он взвалил уже совсем не сопротивляющегося адмирала на плечо, и утащил его за дверь – туда, куда очень ограниченные возможности зрения Серой Мышки уже не распространялись.

– Прямо, как Ленин бревно на субботнике, – проводила его ироничным хмыканьем Наталья.

Одновременно она так неласково встретила двух других персонажей действия – главных, как она поняла. Полковник Кобаяси и майор Судзуки (надо же, не забыла!) склонили над ней свои непроницаемые лица. Но некоторую растерянность в их взглядах она уловила; так же, как тщетно скрываемую опаску. Она даже попыталась кивнуть: «Начинайте, господа!», – но ремень, туго притянувший голову к кровати, не позволил ей даже шелохнуться. Тем не менее, ее безмолвный призыв был понят.

– Итак, – начал полковник, – продолжим наше общение, госпожа Руфимчик. Или подполковник Наталья Юрьевна Крупина, если вам так будет удобнее.

– Так удобнее, – Мышка скосила глаза влево, в тщетной попытке увидеть собственное плечо – естественно, не украшенное погоном.

О том, что она несколько дней, как сравнивалась званием с Кобаяси, хвалиться не стала, резонно сообразив, что из вот таких маленьких тайн и родится пока не проглядываемый план спасения. Голос японского контрразведчика стал чуть печальным, даже проникновенным.

– Вы ведь понимаете, Наталья Юрьевна, что ущерб, нанесенный вами нашей стране, возместить вы не сможете ни при каких условиях. Даже с учетом возвращения средств, что вы перехватили у клана Тамагути. Я уже не говорю о попрании чести и достоинства военных моряков Японии. Хвала богам, что мир не узнал, кто и как разгромил нашу лучшую морскую базу.

– Какие проблемы? – негромко перебила его Мышка, – приглашайте журналистов – я выложу им все; подробно, посекундно, включая тот самый момент, который вспомнили вы,

господин полковник. Я имею в виду нашу последнюю встречу. Можно прямо здесь... я дама не стыдливая.

– Мы это уже оценили, госпожа Крупина, – усмехнулся Кобаяси, – но о ваших исключительных способностях в деле разрушения всего и вся мы поговорим в следующий раз. А сейчас нас интересуют ваши другие таланты.

Наталя тоже усмехнулась; талантов за собой она знала много. Предлагать же себя в качестве товара не стала. Она и так лежала, распластанной на столе – бери и ешь. Ну, или пользуй по-другому. Полковник предпочел пока продолжить беседу.

– Сделать вас агентом... заманчиво, но как-то боязно. Мой отдел, видите ли, не такой мощный, как база в Йокосуке; вряд ли он перенесет ваше вторжение.

– Ну, так покончите со мной прямо здесь, – равнодушно предложила Наталя.

Она понимала, что у этого хитрого японца есть план; коварный и не оставляющий для нее ни одной тропки для отступления. И сейчас он попросту наслаждается собственным умом и изобретательностью. А может, пытается выжать из себя до последней капли комплекс неполноценности, который не мог не родиться после допроса, который учинила ему Мышка в кабинете адмирала Ватанабэ.

– Но сначала посмотрим кино, – полковник кивнул своему заместителю, и майор Судзуки, чья физиономия была еще более непроницаемой, нажал кнопку на пульте, который грелся в его ладони с той минуты, когда Наталя ощутила себя на этом широком ложе.

Зеркальный потолок оказался еще и экраном гигантского – на всю стену – экрана. На нем поочередно, по воле пальца майора, сменялись кадры с хорошо узнаваемыми лицами. Сначала это была команда капитана Алексея Сабурова; по-отдельности, попарно и все вместе. Наталя порадовалась за них – никаких видимых последствий соседства с «грязной» бомбой она не увидела. И сам капитан, и его бойцы, и водители были живы, здоровы; Соловей-разбойник, старший лейтенант Виктор Неелов, судя по веселому блеску глаз, определенно нашел канал поставок «зеленого змия» даже в строгих условиях японского госпиталя. И поклонниц из числа медицинского персонала тоже – вон как галантно поддерживал под локотки сразу двух милых сестричек на финальном ролике.

– Фильм, часть вторая – процедила про себя Мышка, с видимым интересом и легкой улыбкой на губах фиксируя, как поменялось выражение лиц команды русских смертников после небольшой паузы.

Теперь это были замкнутые, порой злые люди, явно осознающие, что находятся в заточении – какими бы не были комфортными условия их содержания. Крупина даже готова была поспорить на любые ставки, что правильно прочла застывший теперь в их глазах вопрос: «За что?!». Просить прощения – даже мысленно, на расстоянии, она не стала. А вот вызвать их из очередной переделки... Так же, как и несчастную, несмотря на еще более роскошное окружение, семью Виктора Николаевича Будылина. В неведомом уголке японского «рая» счастливым чувствовал разве что внучок Николаича. А сам глава семьи, судя по потухшему взгляду, до сих пор не смог оправиться от постигшего его несчастья. И Наталя его понимала; не раз примеривала к себе его трагедию. Смогла бы она сама чувствовать себя полноценной личностью, если бы и ее лишили уникального дара? Быть обычной женщиной; ходить по улицам, не оценивая прохожих с позиции возможного удара с их стороны; с готовностью упредить этот удар, и нанести свой. Ответа она себе так и не дала.

– Я так понимаю, что это такая страховка с вашей стороны, – усмехнулась Серая Мышка, когда на потолке, опять зеркально отражавшем всю комнату, она увидела себя, опутанную ремнями, и два стриженных затылка, застывших над кроватью.

Полковника с майором не интересовало «кино»; они явно выучили эти кадры наизусть. Теперь же вглядывались в ее лицо с вполне понятной целью – как Мышка отнесется к такой

«страховке»? Выражение их лиц ничуть не поменялось после вопроса Натальи, хотя нотку досады в ответе она все же уловила.

– Да, – кивнул полковник Кобаяси, – это будет нашей второй страховкой.

Он бросил быстрый взгляд на своего заместителя, майора – словно завершая полемику, в которой сам утверждал, что траты на заложников совершенно бессмысленны; что агент три нуля один, если потребуется, отринет свои душевные привязанности – если они у ней вообще есть.

– И в основном ты прав, – с редкой для нее ноткой грусти подумала Наталья, – надо будет для дела – переступлю через них, не сомневаясь. Но сначала сделаю все, чтобы спасти. А что касается майора... это ты, парень, никак не можешь забыть меня в образе гейши. Учтем...

– Теперь перейдем к основной страховке, госпожа Руфимчик, – полковник предпочел обратиться к ее израильской ипостаси, – надеюсь, вы не откажете нам в некоторых достижениях в области микроэлектроники?

Наталья не ответила; во-первых, потому что в пересохшем горле уже неприятно першило; голова затекла и в висках начали стучать молоточки. Она направила часть своего внимания на аутотренинг, на комплекс упражнений внутри себя, который не требовал движений. Во-вторых, отвечать на риторические вопросы она не сочла нужным. Полковник отчего-то довольно кивнул, и продолжил:

– Сейчас вас, госпожа, напичкают самой совершенной аппаратурой; металла в ней не будет ни грамма, так что летать самолетами вам не возбраняется. Специалисты в другой сфере обеспечили неизвлекаемость аппаратуры. Первая попытка – и мгновенная смерть. Или от микрочаряда взрывчатки рядом с сердцем, или от смертельно инъекции яда; таких «подарков» в вашем теле будет не один десяток. Даже я не знаю, где все они будут расположены. Скажу честно – извлечь ее из вашего тела не сможем даже мы. Так что придется вам, госпожа, до конца своих дней носить оборудование стоимостью в несколько миллионов долларов. А вот сколько этой самой жизни осталось, зависит только от вас! Я понимаю (еще один взгляд на майора), что в вашем характере – русском, а не израильском, есть такая неприятная черта, как жертвенность. Так что вы можете попытаться решить вопрос прямо здесь – окончательно и бесповоротно! Вот тогда я вам обещаю – все эти люди (он показал на зеркало сверху) умрут медленной мучительной смертью. В этом и заключается эта страховка. Живы вы – живы они! Вы выполняете наше задание; даже ценой собственной жизни – всех ваших знакомых, включая семью так называемого главы клана Тамагути, отправят домой целыми и невредимыми. Договорились?

И опять Наталья не ответила. Не потому, что вопрос опять был риторическим. Просто она решила, что ее ответ не понравится полковнику.

– Нет! – ответила она скорее самой себе, – не договорились. Потому что тебе не понять такого простого русского выражения: «Безвыходных ситуаций не бывает». И пытаться «решить вопрос прямо здесь» я не буду. Уж если действительно решу уйти, как ты говоришь, окончательно и бесповоротно, постараюсь захватить за этот поворот побольше врагов. Тебя в первую очередь.

– Молчание – знак согласия, – полковник совершенно неверно расценил ее нежелание отвлекаться от простейшего аутотренинга, – теперь слушайте задание; точнее, первую его часть...

Первая часть – плотная опека теневого властителя большей части западной экономики Соломона – не вызвала у полковника Крупиной отторжения. Она и сама собиралась заняться этим, но – только с третьего ноября, как и определил сам «фигурант». По поводу сроков японские службисты и их новый «агент» немного поторговались, но Наталья настояла на своем, не вдаваясь в «магию» этой даты. Полковник, наконец, кивнул, и нехорошо улыбнулся:

– Я вполне разделяю чувства адмирала Ватанабэ, – сообщил он Мышке, не вызвав у последней ни грена удивления; она его вполне понимала, – но пачкать руки о ваш немного съехавший на бок нос не буду. Но от небольшой компенсации не откажусь. Как бы ни были малы наши приборы, обычными иглами здесь не обойтись. А затраты на обезболивание агентов бюджетом нашего отдела не предусмотрены.

Он улыбнулся теперь уже совсем издевательски – по крайней мере, так решил сам. Наталье же мимика его лица совершенно не интересовала; сейчас и ее тело, и сознание было в полной гармонии со вселенной; ничто не могло поколебать спокойной уверенности Мышки в благополучном будущем. В искусстве контролировать собственные тело, разум и чувства ей не было равных. Даже мудрый учитель Нью Го Лай признавал ее превосходство. Теперь же частичка разума, специально отряженная для фиксации происходящего вокруг, спокойно наблюдала, как майор вышел из комнаты, и как почти сразу же трое японцев в белых халатах вкатили тележки с аппаратурой и устрашающего вида медицинскими инструментами. Последние напомнили Наталье кадры из незабываемой комедии про кавказскую пленницу. Здесь, пожалуй, шприцы были даже побольше, чем тот, который приготовили в фильме для Бывалого. Да еще и доктор; точнее, манипулятор этими инструментами, больше подходящими для ветеринара, «любезно» комментировал свои действия.

Серая Мышка, сейчас отринувшая все чувства, кроме нужных ей самой, на едкий комментарий доктора реагировала по-своему. Она не фиксировала резкие всплески боли и хруст разрываемых толстыми иглами тканей; но слова японца, явно проинструктированного полковником, или другим сотрудником спецотдела, фильтровала и откладывала в памяти, надеясь позже, в спокойной обстановке (если такая будет), оценить полезность этой информации. Пока же росла и обретала в голове зримые очертания карта-схема собственного тела, в котором загорались тревожные точки. Одну из таких – самую болезненную и неприятную, указал полковник Кобаяси.

– В нос не забудь! – почти счастливо прокаркал он.

Доктор с отповедью – мол, не лезь не в свое дело – выступать не стал. Он загнал толстое орудие пытки в нос так, что внутри что-то громко хрустнуло, а эскулап злорадно сообщил, что отныне носик Натальи, свернутый немного набок ударом адмирала, выравниванию не подлежит. Что малейшая попытка вмешательства пластического хирурга приведет к немедленному взрыву, и что взрывчатки здесь хватит, чтобы женский череп разлетелся вдребезги.

– И не только женский, – хохотнул он, и тут же замолчал вслед яростному дерганью головой Кобаяси.

Крупинкой сквозь полуприкрытые, внешне безучастные ко всему глаза, сверху – в зеркале – была видна лишь макушка полковника, но она не сомневалась, что его физиономия сейчас скривилась от гнева. Та часть ее сознания, что прилежно фиксировала данные, оставила зарубку в памяти:

– Ага – я теперь еще и радиоуправляемая бомба. Обниматься со мной теперь не рекомендуется. Никому.

Она тут же отметила еще один прокол – в прямом и переносном смысле – доктора.

– Ну вот, – сказал он, обращаясь непонятно к кому, – последний. Теперь на ближайшие два года это будет самая дорогая женщина в мире.

Голова полковника опять дернулась; и еще один пласт информации занял свое место в сознании Натальи: «Значит, вот сколько времени вы мне отвели, „дорогие товарищи“! Это еще вы сколько-то дней, недель, или месяцев в резерв отложили...».

Последний укол был особенно долгим. Доктор давил и давил на поршень шприца, выдавливая последние капли светло-желтой жидкости, в которой плавал очередной приборчик, уже занявший свое место. Мышка успела понять, что какую-то сумму на анестезию отдел полков-

ника Кобаяси все-таки выделил. Она провалилась в темноту – во второй раз за день. При-
скорбно...

Глава 2. Третье ноября 2001 года. Пригород Тель-Авива

Ирина Руфимчик. Пойди туда, не знаю куда...

Прежде чем открыть глаза, Наталья прогнала по телу невидимую постороннему взгляду волну. Она отмечала, что ничто в организме не повреждено; разве что нос действительно свернут набок и немного саднит. Еще на коже, которая своей упругостью и свежестью больше подошла бы двадцатилетней девушке, яркими пятнами на отразившемся в мозгу атласе собственного тела краснели следы недавних уколов. Они, в отличие от носа, практически не болели, но вызывали гораздо большую тревогу. Потому что от них внутрь организма – практически к каждой важной его части – вели красные же дорожки проколов, заканчивающиеся чужеродными предметами.

– Ну вот, – усмехнулась Мышка, медленно открывая глаза, – заодно и курс анатомии повторила.

Потолок сверху был не зеркальным. Это был обычный потолок обычного гостиничного номера. Агент три нуля один вот такие особенности окружающей действительности отмечала автоматически. Это не был чей-то дом, или квартира; не была и какая-нибудь явка спецотдела. Нет – это была именно гостиница, причем японская, и не меньше, чем четырехзвездочная. Наталья закрепила на видном только ей одной месте собственного мозга большие часы, начавшие отсчитывать первые сутки от отведенных ей двух лет, немного картинно потянулась – в полной уверенности, что каждое ее движение фиксируется не одной камерой наблюдения, и откинула с себя легкое покрывало.

Так, обнаженной, она подошла к огромному окну, за которым сверкал огнями ночной Токио. Она даже узнала здание, которое расположилось через широкий проспект – чуть правее и ниже. Это был ресторан «Ихиматсу». В своем прежнем вояже в это старинное заведение японского общепита Крупина успела оценить и благодатную атмосферу в нем, и изумительную кухню, вполне устроившую ее непритязательный вкус. В животе тут же... нет, не заурчало; такие позывы организма, которые могли выдать ее присутствие в самый нежелательный момент, он научилась подавлять еще на подмосковной базе КГБ. Желудок просто деликатно напомнил о себе, о необходимости закинуть в эту «топку» «дровишек» слабым сжатием. Мышка не стала сдерживать родившуюся вдруг в груди веселую злость, раздвинула губы в хищной усмешке.

– Ну что ж, – решила она, – пора перекусить, а заодно... повеселиться.

Скоро в ванной уже журчала вода; Наталья смывала с гладкой кожи невидимую липкую паутину, которой – сами того не подозревая – оплетали ее тело японские контрразведчики и доктора. Оплетали своими словами, прикосновениями, грубым вторжением в ее внутренний мир. Сама же она сейчас улыбалась, предвкушая какое-то действие, пока еще не понятное, которое должное было соскрести с тела и души эту паутину до самого последнего клочка.

– А хотя бы и небольшую драчку устрою, – решила она, наконец; яростно, до красноты, вытираясь большим полотенцем, – заодно проверим, насколько ценит своего дорогостоящего «агента» отдел полковника Кобаяси.

На улицу, навстречу огням и реву автомобилей, вышла холеная израильтянка Ирина Руфимчик, представительница той немногочисленной прослойки богатейших людей, которые в любой точке мира чувствуют себя хозяевами. И дают это понять окружающим.

Серая Мышка не сомневалась, что каждый ее шаг сейчас отслеживается; что невидимые нити радиорапортов стекаются в логово паука, каким она окрестила для себя полковника. Потому она, быть может, и вышла навстречу прохладной токийской ночи с улыбкой настолько

вызывающей, что практически каждый мужчина – и японцы, и иностранцы, которых в этом столичном районе было предостаточно – оглядывались, и провожали ее задумчивыми взглядами. Еще более восторженно, с глубоким поклоном и обещанием в глазах выполнить любое пожелание госпожи, встретил ее привратник ресторана. Наталья не стала утруждать память, вспоминать, как правильно называется его должность; ей хватило того, что легкое недоумение (в «Ихиматсу» не принято было ходить женщинам; особенно без сопровождения мужчины и повелителя) тут же сменилось подчеркнутым уважением.

И вот она сидит в отдельной кабинке, устроенной так хитро, что при желании можно было разглядеть, кто веселится здесь этим вечером, в то время, когда ее саму могли увидеть лишь служители, и то после вызова.

– Точнее, служительницы, – поправила она себя, с некоторым удовольствием следя за ловко семенящими меж столиками гейшами.

Одну из них она узнала даже со спины; узнала к собственному изумлению. Ведь она считала, что Мика не пережила того вечера, когда Серая Мышка попала в мышеловку – слишком уж убедительно выглядели кровоточащие раны на ее груди. Но вот она плывет по проходу, и у Натальи не возникло никакого желания окликнуть ее. А вот немного размяться, утрясти и уложить «поудобнее» в желудке те яства, что уже успела оценить... И еще – позабавить, а заодно и озадачить «зрителей», что ждали, быть может, от нее вот такой выходки. Зрителей, присутствие которых она ощущала чувством, названия которому не было ни в русском, ни в японском языках.

В качестве жертв она выбрала одну из компаний, которые уже достаточно вызывающе шумели в двух кабинках. И, если в одной из них развязно выкрикивали что-то пьяными головами молодые японцы (что уже само по себе было удивительным), то во второй кто-то громко распекал собеседника на чистом русском языке. И голос этот был хорошо знаком Мышке; она слышала его недавно в самолете, в рейсе «Москва-Токио».

– Ага, – поняла она, – депутат все-таки добрался до настоящих гейш. Ну и как они тебе?

Последний вопрос, хоть и не предназначался до ушей соотечественника, потому что прозвучал чуть слышно, скрывал в себе изрядную долю издевки. Мышка, на собственном примере изучившая особенности поведения истинных гейш, знала, что максимум, что мог получить от Мики Николай Степанович – это чашку чая своеобразного вкуса... ну, еще утонченную беседу на незнакомом ему языке. Означенная гейша как раз семенила мимо этой кабинки с одухотворенным лицом (словно продолжала с кем-то какую-то беседу о вечных истинах); толстая ручища вдруг протянулась сквозь приоткрытую декоративную дверцу, и онемевшая от неожиданности женщина одним могучим рывком влетела в «отдельный кабинет». Но – надо отдать ей должное – не заверещала в ужасе; даже не пискнула. Вот так же когда-то она молча терпела посягательства двух американских солдат на собственную честь и не знавшее мужских ласк тело. Тогда агент три нуля один вовремя подросла на выручку. И теперь уже готова была встать с места, и неторопливо войти в соседнюю кабину – в тот самый момент, когда твердыня женской добродетели уже будет готова поддаться жаркому нетерпению иноземца. Наталья даже чуть пожалела, что именно русским придется отведать ее «праведный гнев». Вот эта заминка и позволила вмешаться в конфликт, рожденный избытком выпитого саке, и раздраженностью российского парламентария, другим «Робин Гудам». Та самая компания японских молодчиков, в которых горячительного, скорее всего, плескалось не меньше, выскочила из собственного мирка, окруженного тростниковыми циновками, и столпилась у входа в мир, где Мика уже начала невнятно подвывать.

Первый из широкоплечих парней, шагнувших внутрь, вылетел обратно не соображающей ничего тушкой. Опытный глаз Мышки отметил, и как обильно разлетается по сторонам темно-красная юшка из размазанного по лицу носа, и как и без того узкие глаза закатились совсем, и, наконец, как руки, не управляемые отключившимся мозгом, хватаются за то, что подвер-

нулось в них – за хлипкие тростниковые стенки. Мгновение – и, даже раньше, чем храбрый японец влетел в кабинку через проход, снеся еще одну стену – Наталья действительно увидела своих попутчиков по рейсу. Она еще и погордиться успела – народный депутат сейчас задвинул за широкую спину и помощника, и полураздетую Мику, и теперь противостоял десятку противников один. И не дрогнул, когда японцы полезли на него все вместе.

Крупина опять остановилась. Она не была любительницей вот таких зрелищ – яростных, кровавых, но вполне безобидных, если не пускать в ход особо подлых приемов. Ну, или подручных средств. Сейчас же решала, на чьей стороне – добра или зла – выступить. И еще – где оно тут, добро; и где зло? Потому что японская сторона, поначалу такая героическая и справедливая, позволила себе первой применить недозволенные средства. Парни отлетели от Николая Степановича, как шавки от матерого медведя. Русский вроде как даже победно взревел, отправляя в полет последнего из молодых узкоглазых противников. Этот последний и вытащил откуда-то пистолет, матово блеснувший в неярких огнях зала. Выстрел действительно прозвучал; в потолок, потому что мгновением раньше в битву вступила агент три нуля один. Пистолет уже был в ее руках; им она и принялась охаживать банду юных Робин Гудов, стараясь причинить как можно меньше повреждений, и как можно больше боли. Ну и видимых оцепеневшим от ужаса посетителям ресторана «страшных ран»; потеков крови, рваных в клочья рубах, и... Она остановилась, задержав руку с зажатым в ней пистолетом, чья мушка уже готова была провести рваную кровавую полосу по очередной обнаженной груди, с которой на нее скалился дракон.

– Ага, – злорадно расхохоталась она прямо в лицо обьятого ужасом парня, – славные воины клана Тамагучи!

После этих слов на правильном японском языке замерли все – даже русские. А Мышка, которая узнала-таки в жалких остатках японского воинства несколько знакомых лиц – видела их в старинной родовой усадьбе клана – усмехнулась еще страшней. А потом – необъяснимо и ужасно – стала меняться лицом. Сквозь вполне милую мордашку европейской туристки стало проглядывать лицо мертвеца – Генриха, бывшего палача клана. Его слова – отрывистые, резкие, поносящие и смыслом, и фразами, какие не принято произносить в приличном обществе, особенно японском – заставили парней броситься врассыпную; многих – из того положения, в каком они застали «драконов». На четвереньках, из низкого старта, а кое-кто чуть ли не ползком, они исчезли из ресторана быстрее, чем в проходе появились крепкие фигуры «прикрытия» – именно так Наталья назвала неприметных и лицами, и фигурами мужчин, в которых только опытный взгляд мог отметить грацию опытных бойцов.

На лице лишь одного из них она смогла прочесть чуть заметную досаду. Это, скорее всего, был старший команды, надзирающей за Мышкой, и она мысленно поаплодировала ему – слежка была организована виртуозно; ни одно из пяти человеческих чувств не смогло бы распознать ее. Знал ли этот японец, несомненно, обладатель достаточно высокого дана в искусстве убивать себе подобных, об иных чувствах, подвластных немногим посвященным? Догадывался – точно; потому что чуть поклонился Наталье с видимым уважением, а потом повернулся к подступившему с опаской распорядителю ресторана. Мышка оставила их разбираться, улаживать инцидент, а сама повернулась к Николаю Степановичу.

– А не выпить ли нам по случаю полной и окончательной победы над врагом? – воскликнула она, подмигнув скорее Мике, которая по-прежнему пряталась за спиной русского депутата, – или у тебя до сих пор сердечко пошаливает?

У депутата отвисла челюсть – эта тетка, только что лихо мочившая япошек, и поливавшая их... явно не стихами, на их родном языке, сейчас так же уверенно бросала в его лицо русские слова. Он медленно перевел взгляд с лица Натальи на ее руку, в которой по-прежнему был зажат пистолет.

– Это?! – у Мышки еще не до конца пропало желание похулиганить, – сейчас отдам.

Но сначала она подняла оружие дулом кверху, и нажала на курок – раз, и второй, и третий... пока негромко и обиженно не щелкнул боек. Мика ойкнула, и опять нырнула за широкую спину, а Николай Степанович подпрыгнул на месте; достаточно высоко для своей комплекции. Невозмутимым в зале оставался разве что старший из «зрителей», в ладонь которого Наталья и сунула разряженный пистолет. Она еще и подмигнула администратору, который ошалелыми глазами наблюдал за разорением подведомственного хозяйства. Японец от этого жеста аж позеленел; он явно представил себе, что разгром сейчас продолжится.

Но Мышке и он, и боец с пистолетом в руке был уже неинтересен. Она уже выполнила одну часть плана, поставленного перед собой – дала противнику возможность увериться, что у нее, у суперагента, тоже есть слабости – вот такие вспышки ярости, необходимость залить безысходность... хотя бы настоящей русской водкой!...

Утром следующего дня Наталья проснулась в собственном номере. Голова не болела, хотя она честно не пропускала ни одного тоста; так же ответственно, в свою очередь, провозглашала свои, все более пафосные и нескромные. До дверей номера ее буквально дотащил тот самый боец, точнее, начальник бойцов, несомненно, ответственный за ее безопасность. И Мышка немало позабавилась, а больше порадовалась, когда разглядела в глазах этого опытного агента пренебрежение, а потом и откровенное презрение. Этот враг решил, что Наталья сдалась, полностью капитулировала, хотя и не призналась пока в этом – ни себе, ни своим новым хозяевам.

– Вот и чудненько, – фиксировал кто-то очень внимательный внутри агента три нуля один, в то время, как Наталья громко, не попадая в такт, пыталась петь похабную песенку, переводя ее с русского языка на японский, – так и напиши в своем рапорте, милый.

С последним словом она похлопала бойца по щеке, и оттолкнула его. А в следующее мгновение дверь номера громко захлопнулась перед носом сопровождающего Мышку мужчины. Мысль о том, чтобы продолжить «игру», запустить его в номер, и... Нет, ей хватило картинки, в которой хохочущий и довольный собой и таким интересным вечером Николай Степанович уводил куда-то раскрасневшуюся и хихикавшую Мику. Она искренне пожелала им еще более веселого продолжения, и выбросила и эту картинку, и пожелание из головы. Тело само машинально выполняло привычные процедуры – душ, одежда, покрывало на кровати... Организм так же автоматически очищал себя от ударной дозы алкоголя – такому полезному умению тоже учили на подмосковной базе Комитета госбезопасности...

Утром этот «автомат» продолжил свою работу. Наталья завтракала, заказывала билет, вызывала такси, гордо, с пренебрежением шествовала мимо obsługi отеля, «забыв» про оплату, чаевые – про все, с чем милостиво и безмолвно разрешила разобраться полковнику Кобаяси. Одновременно она монотонно перебирала варианты спасения, начиная от простейших, и заканчивая ожиданием чуда. Последнее пришло в голову, потому что самолет вез ее в земли, облюбованные пророками, в страну трех религий. И хотя она так до конца и не приняла сердцем Израиль, не прочувствовала себя на Святой земле своей, именно здесь она надеялась найти ответ на, казалось бы, неразрешимые вопросы.

– Тем более, что до третьего ноября осталось всего три недели...

Этот отпуск ничем не отличался от отдыха тысяч обычных туристов. Разве что деньги она могла не экономить. Но что-то в ней все же проклюнулось, наверное, от дочерей Израилевых. Мышка сняла достаточно скромный номер на первой линии Тель-Авива, с окнами, выходящими на Средиземное море. Она проводила на пляже большую часть дня. Солнце, в конце октября ласковое, не обжигающее своими лучами, в какое-то мгновение напомнило ей об острове Зеленой лагуны. Именно тогда Наталья уверилась, что выход найдется, и отключила продолжавший работать «автомат». Она даже приказала себе «не замечать» вполне еврейского вида физиономии, которые умело вели ее от отеля на пляж, потом по длинной набережной – до Яффы и до одного из бесчисленных рыбных кафешек, которые за эти недели она отыскивала все; даже самые непрезентабельные.

А третьего ноября, так же «забыв», что уже с утра надо было начинать отвечать сорок первый день рождения, она стояла у дверей собственного дома в Бат-Яме.

– Нет, – она даже чуть покачала головой, нажимая на кнопку звонка, – это не мой дом. Он чужой; выстроен на чужие деньги, без души, без тепла.

Она шагнула в двери, и замерла от радости.

– Все-таки один подарок на день рождения я получила, – чуть не вскричала она, прижимая к себе сухонькую фигурку Инессы Яковлевны.

Она постаралась не заметить смущение старушки, ее виноватого взгляда. Потому что видела за всем этим настоящую материнскую любовь, которую не могли сдерживать глаза Инессы Яковлевны, ее неподдельную радость. Увы – в большой столовой, куда ее привела семенящая рядом домоправительница, ни Николаев, старшего и младшего, ни Лидии не было. За столом сидел лишь Соломон, изобразивший искреннюю радость при виде гостыи. Да – именно в этом качестве и ощущала себя сейчас Наталья. Ей нестерпимо захотелось стереть эту самодовольную улыбку со старческого лица; если не кулаком, так безжалостными словами. Например, повернувшись к Инессе Яковлевне, и спросив ее: «А помните ли вы, как спаслась, одна из всей семьи, еврейская девочка Инесса, когда в Одессе заживо горели почти все ее родные и знакомые? И знаете ли вы, кто поднес спичку к пустым пороховым складам, пусть не своею рукой. Вот он – оберлейтенант СС, зверь в человеческом обличье!».

Соломон прочел этот выкрик в глазах Натальи; ответил ей тоже безмолвно – ставшим пустым и одновременно мертвенно-страшным взглядом:

– И это говоришь ты, палач ужасного кагебе?! Женщина, на руках которой кровь десятков, если не стен людей?

Наталья такого отпора не побоялась; она пожалела сейчас старушку, у которой, быть может, не оставалось в мире никого из близких, кроме нее, Мышки, и... Соломона.

Старый еврей молча кивнул, соглашаясь не впутывать домоправительницу в эту войну, и опять расцвел улыбкой.

– А мы, уважаемая Ирина, – он вскочил с места на удивление бодро, – приготовили вам на день рождения подарки. С Инессой Яковлевной мне, конечно же, не сравниться...

Он махнул рукой на стол, который действительно был накрыт для праздника. Мышка благодарно улыбнулась домоправительнице, и села напротив Соломона, который протянул ей через широкий стол какой-то толстый пакет. Старушка, поначалу державшаяся скованно; даже испуганно, тоже расцвела улыбкой и скрылась на кухне, откуда тут же донесся лязг крышек, а потом и мощный запах какого-то кушанья. Наталья, прежде чем взять в руки пакет, помедлила, а потом коснулась пальцами ушей в надежде, что старый еврей поймет такой нехитрый сигнал. Соломон кивнул, усмехнулся, и – в свою очередь – провел рукой широкую окружность, показывая, что ему тоже есть что сообщить Крупиной, не привлекая чужого внимания. Наталья кивнула; о том, что особняк взят под плотное наблюдение, она поняла еще на подходе к нему. Потому она чуть задержалась на улице, прошлась вокруг особняка, и теперь могла рассказать, сколько наблюдателей сейчас окружили дом, и где находится каждый из них. Не до конца она была уверена лишь в оценке намерений этих бойцов. Это не было одна команда; агентам полковника Кобаяси определенно кто-то противостоял. Столкнутся ли они; прольется ли здесь кровь? Серую Мышку это совершенно не трогало. Хотя – коснись угроза внутренних покоев особняка, она без раздумья встала бы на защиту и Инессы Яковлевны, и Соломона. Потому что была уверена – олигарх подстраховался, не раз и не два. Что, упади с его головы хоть один из оставшихся седых волос, она никогда больше не увидит никого из Емельяновых. И этого никогда себе не простит. Соломон подтвердил это, воспользовавшись отсутствием домоправительницы.

– Представляю, – проворчал он, несколько не смущаясь прослушки, – с какой радостью вы сейчас свернули бы мне шею, Наталья Юрьевна.

– Аж руки дрожат, – подтвердила Наталья, протянув над столовыми приборами абсолютно спокойные ладони.

– Может, вас немного успокоит мое обещание, госпожа Крупина... Это я насчет других обитателей этого дома. Я гарантирую, что все они вернутся сюда, целыми и невредимыми, как только вы исполните три моих поручения.

– Прямо, как в сказке, – усмехнулась Наталья.

– Какая сказка, Ирина? – это едва начавшийся разговор прервала Инесса Яковлевна, водрузившая на стол большую супницу.

– Да вот, – ответил ей Соломон, с благодарной улыбкой принимая тарелку; вторым, после Натальи, которую старушка, наверное, по-прежнему считала хозяйкой дома, – рассказываю сказку о мертвой и живой воде. И уговариваю Ирину привезти мне пузырек волшебной жидкости.

Старушка недоверчиво усмехнулась. А Наталья, подхватывая такую отвлеченную тему, горячо поддержала Соломона:

– Да, Инесса Яковлевна, может, и для вас хватит. Хотите стать опять молодой; встретить новую любовь, новую...

Слово вдруг застряло в горле, потому что поймала напряженный взгляд еврея. Он сейчас не улыбался, смотрел на Мышку вполне серьезно, и как-то... умоляюще, что ли? Словно действительно ждал от нее волшебной микстуры. Кто-то другой, не Наталья, знавшая подноготную этого страшного человека, решил бы, что Соломон действительно ждет от нее такого чуда. Увы; Серая Мышка в чудеса не верила. В чудесные совпадения – да; в какую-то мистическую составляющую собственной жизни – тоже. Но все это она могла (хотя и не собиралась) объяснить вполне прозаическими причинами, соответствующими законам мироздания. А вот «несчастный» старичок – железный, безжалостный – действительно остановил на ней взгляд, полный великой надежды. И продолжил, в полной уверенности, что, в отличие от домоправительницы, Ирина Руфимчик, она же полковник госбезопасности Крупина, воспримет его веру в чудо. Пусть не поверит, может, даже посмеется в душе...

– Помню, очень давно, в детстве, мой любимый учитель рассказывал нам такие сказки. Я тоже тогда посмеивался в душе. Ведь молодости не нужен эликсир бессмертия; ей кажется, что жизнь никогда не кончится. А в восемьдесят четыре года... А у вас, Ирина, не было такого учителя?

Теперь его взгляд был требовательным; пальцы правой руки теребили ухо. Он словно говорил безмолвно: «Этот вопрос я задал не случайно. Умеющие „слушать“ да услышат!».

Наталья «услышала» подсказку; вспомнила человека, которого считала своим учителем – корейского мастера единоборств Нью Го Лая, о котором Соломон тоже мог слышать, от Валеры. Старый корейский мастер, он же полковник Николаев, давно упокоился в подмосковном лесу. Наталья сейчас даже подосадовала; посердилась на себя. Ведь в последние годы она вполне могла съездить на бывшую Базу, попытаться отыскать могилы и Учителя, и других сослуживцев. Она услышала негромкое покашливание старика и ответила; с нажимом, показывая, что подтекст последнего вопроса поняла:

– МОЙ учитель таких сказок не рассказывал.

– И, тем не менее, – довольно кивнул Соломон, – я посоветовал бы покопаться в памяти, моя дорогая, – может, и ВАШ учитель мог поделиться мечтой о бессмертии...

Наталье это «моя дорогая» совсем не понравилось; она нахмурилась, а потом – через доли секунды – насторожилась. Теперь ее лицо не выражало никаких эмоций, в то время, как всеми чувствами она была снаружи дома – там, где происходило непонятное, но весьма жесткое шевеление. Тренированный слух различил и едва слышимое «покашливание» бесшумного оружия, и чуть более громкий вскрик раненого человека. Отбросив шальную мысль о том,

чтобы броситься туда, и собственной безжалостной рукой навести порядок – как она его понимала – Мышка бросила в воздух перед собой:

– Кажется, у нас гости. Не ждали?

Соломон вскочил с лицом, в котором недоумение сменилось досадой. Он, как поняла Наталья, не ждал никого; скорее всего, принял меры, чтобы их «праздничному» ужину, а главное, разговору, который пока ограничивался полупафосами, никто не помешал. А этот «кто-то» уже ломился в дверь – аккуратно и тоже почти бесшумно.

– А, нет! – Мышка кивнула Соломону на дверцу, которая прежде вела в подземный ход до соседнего домика, и тут же поморщилась, услышав, как входная – надежная, железная – дверь громко «охнула» от сокрушительного удара. Она вскочила, готовая прикрывать отход двух старичков, задержание которых никак не входило в ее планы. Впрочем, за Инессу Яковлевну решил Соломон. В открытую дверь он вбежал, крепко стиснув в собственной руке ладонь домоправительницы. Последняя бросила отчаянный взгляд на Наталью; чувство вины явно опять заполнило ее. Мышка кивнула ей, одарив улыбкой и обещанием скорой встречи во взгляде. А потом сосредоточилась на других дверях; сначала на наружной, которая не выдержала второго, еще более мощного удара, напомнившего ей о кувалде старшего сержанта Шломо Мосса. Двери, ведущей в столовую, никакой кувалды не потребовалось. Она распахнулась от удара ноги пока неведомого врага. Крупина, точнее, сейчас Ирина Руфимчик, хозяйка дома, успела поморщиться, а потом с какой-то радостью приняла на прием поочередно двух влетевших в комнату бойцов. Холодный и расчетливый аналитик в голове, не прекративший работы даже в то время, когда сама Мышка жестко и достаточно болезненно укладывала огромных бойцов в штурмовой форме на паркет, зафиксировал, что оба ее предположения о том, кто все-таки не дал довести беседу до логического конца, оказались ложными. Бойцы, сейчас беззвучно ловившие воздух широко раскрытыми ртами, не имели никакого отношения ни к отделу полковника Кобаяси, ни к охране американского олигарха. Потому что щеголять в форменном обмундировании израильских спецслужб вряд ли кто-то рискнул бы – в самом Израиле. Да и мысль о кувалде, согревшая Наталью изнутри, была пророческой. В двери нарисовалась могучая фигура старшего сержанта, действительно вооруженного, кроме короткоствольного автомата, еще и огромной кувалдой. Этого «противника» Мышка уложила на пол осторожнее; еще и погладив по щеке с веселым возгласом:

– Отдохни, сержант.

Через пару секунд она сидела за столом, готовая к любым неожиданностям вроде светошумовой, а то и боевой гранаты. За дверью установилась тишина, готовая взорваться очередным штурмом. Но кто-то явно разумнее рядовых штурмовиков сообразил, что встречают неожиданных гостей так неласково именно по причине их бесцеремонности. По створке двери, которая была распахнута наружу, негромко постучали, причем, скорее всего, не пистолетом, или прикладом автомата, а костяшками пальцев. Наталья тут же отозвалась:

– Войдите.

Вошли сразу двое. Один – такой же статный и молодцеватый, как бойцы – до того, как оказались на полу столовой; в офицерской форме израильского спецназа. Второй – в штатском. На него офицер (как поняла Серая Мышка, командир старшего сержанта Мосса), смотрел с некоторой опаской. Это Наталья прочувствовала скорее «шкурой» боевого офицера; в свое время, в годы афганской юности она сама невольно так поглядывала на таких вот «штатских», способных росчерком пера или парой слов в нужные уши перечеркнуть карьеру, а то и совсем поломать жизнь солдата. Впрочем, внимание майора-спецназовца тут же переключилось на собственных бойцов, а потом и на Крупину, точнее, Ирину Руфимчик. И непонятно, чено было больше в этом взгляде – негодования и злости за своих поверженных бойцов, или искреннего восхищения мастером боя, которая сидела за столом и что-то жевала. Да – Ната-

ля вспомнила, что так и не прикоснулась к угощению, не оценила того старания, с которым Инесса Яковлевна накрывала стол.

– Присаживайтесь, – Мышка махнула на стулья перед собой, – будем считать, что вы пришли поздравить меня с днем рождения.

На полу у самых ног офицеров дернулся Шломо. Он явно вспомнил, какой знаменательный день он отметил ударом кувалды в дверь.

– И ты, сержант, вставай, – прикрикнула на него Наталья, – чего разлегся?

Этот выкрик словно подстегнул Мосса; он вскочил, перехватив кувалду, которую так и не выпустил, уже двумя руками. В его лице Наталья тоже могла прочесть многое. Главным, как она поняла, было желание тут же исполнить любой приказ командира – не майора-здоровяка, а «старшего лейтенанта» Крупиной. Да хоть и опустить кувалду на голову командира в штатском. И в этом его желании, как тоже поняла Наталья, ее команды не требовалось. Незнакомец такой позыв явно прочувствовал, но не дрогнул ни одним мускулом; по-прежнему улыбаясь, он первым сел напротив Мышки. Следом, чуть помедлив, мягко опустился на стул майор. Шломо шагнул вперед и в сторону, и остановился за их спинами. Наталье такая диспозиция понравилась; она и сама бы не чувствовала себя в полной безопасности, если бы слышала, как за спиной тяжело дышит человек с кувалдой в руках.

– Итак, – начала она, отхлебнув глоток уже остывшего чая, – кто вы, и чем я обязана столь неожиданному визиту?

Сейчас она чувствовала себя... нет, скорее «гости» должны были решить, что Мышка чувствует себя героиней какого-то боевика; что она заполнена негодованием до предела. Может, майор-спецназовец и почувствовал некоторое неудобство, наклонил голову, в явном или показном смущении. А второй наоборот, лишь усмехнулся, и взял на себя инициативу переговоровщика.

– Я майор Гудвин, – представился он, – руковожу отделом... задачей которого является обеспечение безопасности государства и его граждан.

– Еще один сказочник, – охарактеризовала его Наталья, и продолжила – уже вслух, – если это единственная причина, чтобы вломиться в дом гражданки...

– Да, – кивнул майор, – это именно защита гражданки... вас, госпожа Руфимчик. Как только нам поступил сигнал, что ваш дом окружен неизвестными, явно вооруженными людьми, команда майора Гаршвина получила команду задержать их. И со своей задачей они справились.

Мышка не стала требовать подробностей у этого битого волка; она уже поняла: максимум, на что она может рассчитывать в словесной баталии – это на ничью. Потому сейчас откинулась на спинку стула, и устало вздохнула:

– И что вам нужно от меня? Подписать какие-нибудь бумаги? Давайте, только недолго. Я действительно устала.

Изобразить смертельную усталость для Натальи было не проблема; но сейчас она действительно почувствовала, как неимоверная тяжесть навалилась на плечи. Так было обычно, когда ее подстерегала нешуточная опасность. Этот краткий миг немоции быстро сменялся мощным зарядом бодрости. Крупина не стала форсировать его; внешне совершенно спокойно выслушала слова майора:

– Мы хотели бы поговорить с вашими гостями. Точнее с одним из них.

– Увы! – не стала скрывать правды Мышка, по-прежнему вялая и апатичная, – гостям, как говорится, рады дважды. Второй раз – когда провожают. Так вот – я своих гостей уже проводила.

– Туда? – майор кивнул на дверцу, ведущую в подземный ход.

– Туда.

Наталья подозревала; теперь эти подозрения переросли в уверенность – не только японцы, но и родная, израильская спецслужба, прослушивала особняк. Скорее всего, приняла необходимые меры уже при его восстановлении. Почему же ни этот майор, ни его «коллеги» из страны Восходящего солнца не дали закончиться их с Соломоном странному, полному иносказаний разговору?

– Скорее всего, – решила агент три нуля один, – произошла одна из тех неизбежных накладок, которые не заставляют себя долго ждать, когда на единице площади скапливается слишком много людей. И все (усмехнулась она) пытаются остаться незаметными. Ну, наступил кто-то на кучу листьев, на голову наблюдателя, маскирующегося под ними... бывает.

Впрочем, с ней самой такого произойти не могло. И человека рядом, и угрозу, исходящего от него, она распознала бы с закрытыми глазами; спиной, затылком, который... действительно обожгло предчувствием близкой беды. И шел этот жар, пока спящий, точнее неразбужденный, именно из-за неприметной дверцы. Сама Мышка сейчас ни за что не согласилась бы нырнуть в эту «норку». Не пустила туда и сержанта. Мосс уже шагнул было вперед, подчиняясь кивку своего нынешнего командира, и тут же застыл – когда перед ним материализовалась фигурка командира прежнего, из далеких афганских лет. Он совсем не сопротивлялся, когда крошечные, по сравнению с его собственными, ладошки Серой Мышки вывернули тяжеленную кувалду, и швырнули ее далеко вглубь темного туннеля.

Крупина еще успела захлопнуть дверцу, и шагнуть в сторону, увлекая за собой массивную фигуру сержанта. То, что «великий волшебник» Гудвин сидит как раз напротив этой дверцы, она отметила, но никак не отреагировала. Может, была уверена в зверином чутье этого господина?

– Волчара, – вспомнила она вдруг бандита из окружения наркобарона Шунта, – вот кого он мне напоминает! Такой же безжалостный, осторожный, и... ничего не забывающий. Впрочем, на службе государству это вполне может оказаться самой замечательной рекомендацией.

Израильский «волк» действительно обладал незаурядным чутьем; а может, он поступил так, как поступил, вслед за Мышкой, шагнувшей от опасности в сторону. Только майор нырнул вниз, под стол – именно в то мгновение, когда глубоко внизу что-то гроыхнула, и сорванная с петель дверь, вращаясь подобно пропеллеру, пролетела к дальней стене, снеся по пути, как битой, практически весь праздничный ужин. Только на краешке стола – там, где сидел бледный майор Давид Гаршвин, нетронутыми стали пара тарелок с салатами.

– Значит, – поняла Наталья, – в том домике, где заканчивается потайной ход, никто так и не дождался Соломона с Инессой Яковлевной.

Она сейчас по-новому оценила его прощальную улыбку; торжество, скрывавшееся в ней, и немое предостережение. А главным во взгляде старого еврея, которым тот наградил Мышку, прежде чем закрыть за собой тяжелую дверцу, был вопрос:

– Вы поняли первое задание, подполковник Крупина?

Впрочем, Наталья не удивилась бы, если бы узнала, что Соломон в курсе ее продвижения по службе...

Глава 3. Ноябрь 2001 года. Самый север корейского полуострова

Серая Мышка – женщина и монастырь

Это действительно было похоже на сказку. Наталья замерла на краю обрыва; казалось, она даже не дышала. А внизу меж заснеженных скал еще неподвижной застыло озеро. Мышка чувствовала, что оно не замерзло, не превратилось в мертвый лед, несмотря на морозец градусов в десять. Оно было живым; казалось, тоже изучало пришельцев, посмевающих нарушить его зимний покой. Еще оно грозно напоминало о том, кто питал эту горную жемчужину своей энергией – о древнем, не потухшем до конца вулкане, на склонах кратера которого и стояла сейчас группа таких разных и по внешнему облику, и по внутреннему настрою людей.

Рядом с Крупиной нутужно и как-то жалобно дышал толстый темнолицый араб, нацепивший на себя неимоверное количество одежек. Он был бы рад рвануть отсюда побыстрее, оказаться в теплой, такой уютной – в отличие от беспросветной корейской действительности – гостинице Рюгён. В этом островке почти европейского комфорта делегация лидера Ливийской Джамахерии жила уже две недели. Сам лидер, кстати, если и знал о существовании этой делегации, скорее всего, открестился бы от нее руками и ногами. Больно уж щекотливый вопрос она обсуждала с северокорейскими «партнерами». Последние, кстати, в переговорах тоже ни разу не упомянули имени своего вождя.

Сейчас Наталья, утопавшая в волнах благости, которыми щедро делилось с ней древнее озеро, краешком сознания слушала еще одного своего спутника – проводника и экскурсовода Вонга. Она кивала ему, откладывая в уголке души названия, которые когда-то давно уже звучали в устах Учителя Нью Го Лая.

– Священное озеро Тянчи, – с благоговением выдохнул проводник, – дочь вулкана Пэк-тусан. Именно сюда спустился с небес Хванун, основатель великого корейского государства.

Мышка кивнула. Это имя она тоже слышала; причем в устах Учителя оно звучало не так пафосно, но куда с большим теплом. Потому что полковник Николаев на полном серьезе утверждал, что древний герой, захороненный где-то в древнем монастыре, скрытом от посторонних глаз в этих самых горах, был его прямым предком. Именно поэтому Наталья и стремилась сюда; вопреки всем, казалось бы, непреодолимым преградам.

Взрыв в особняке Ирины Руфимчик, который должен был по всем канонам жанра совершенно рассорить хозяйку с гостями, напротив, повернул до того нервный разговор во вполне конструктивное русло. Наталья охотно отвечала на вопросы; вполне искренне – потому что была уверена, что каждое ее слово неулыбчивый майор со сказочной фамилией Гудвин сверяет с прослушкой. Главный вопрос, на который у Мышки был заготовлен бессловесный ответ – пожимание плечами – так и не прозвучал. Майор словно постеснялся слов «сказка» и «чудо». Не стал интересоваться и неведомым учителем. На его лице проявилось тщательно скрываемое прежде раздражение и досада.

– Скорее всего, – поняла Наталья, – по той причине, что разговор с Соломоном был прерван самым бесцеремонным способом. Но для меня, как оказывается, это даже хорошо. Посмотрим, верят ли в сказки японцы?

Мышка проводила гостей; Шломо даже поцеловала в щечку, ничуть не смущаясь его начальства. Более того, этим жестом она словно предупредила их: «Не трогайте парня, а не то!...». Еще она пообещала подарить ему новую кувалду, чем совсем вогнала сержанта

в краску. На последний, уже от двери, вопрос майора Гудвина: «И что вы теперь намереваетесь делать?», – она ответила совершенно правдиво: «Ничего!»...

– Ничего, – продолжила Наталья мысленно, когда тот же Шломо кое-как пристроил на место выбитую дверь, и она осталась одна в пустом особняке, – до того, как меня навесят другие гости; японские. Но сюда они точно не придут.

Мышка так и не заснула в эту ночь; не потому, что была слишком взволнована событиями прошедшего вечера – могла заставить себя заснуть и в более напряженной обстановке. Ее заинтересовал, и даже порадовал подарок Соломона – тот самый пакет, в который майор Гудвин успел засунуть свой длинный нос. Когда Наталья, уже согревшая своим телом постель, достала первую фотографию из этого плотного пакета, она решила, что на нее дохнуло прошлым – таким коротким и безоблачным. Потому что на фотоснимке был запечатлен с высоты птичьего полета ее остров. Лишь через несколько мгновений глаза начали отмечать мельчайшие отличия; форму этой изогнутой в бирюзовом океане изумрудной подковы; расположение горы – тоже единственной на острове; наконец, крыши центрального бунгало и хижин местных жителей. Маленький поселок имел несколько иную планировку, чем на ее острове Зеленой лагуны. Так что это был не ее остров. Мышка доставала поочередно фотографии, а потом и бумаги, которые опровергали ее вывод – это была все таки ее собственность. Остров был оформлен на имя Ирины Руфимчик. Так что Наталья с опозданием, но поправила себя в ответе на последний вопрос майора:

– Я знаю, что буду делать! Я завтра же отправлюсь туда. И пусть все «гости», какими бы настойчивыми они не были, ищут меня именно там...

Целую неделю Серая Мышка наслаждалась покоем; она даже заставила себя забыть, что каждое ее слово фиксируется. Впрочем, таких слов здесь было очень мало. С океаном, с теплым белоснежным песком на пляже она говорила сердцем, распахнутой душой. Лишь временами острая заноза, связанная с именами Николая и Лиды Емельяновых, с их сынишкой Коленькой, которые тоже любили вот так поваляться на согретом тропическим солнцем песке, напоминала, что за пределами этого райского уголка мир жесток и непредсказуем. Все заботы – в первую очередь поиски ее малого народа, канувшего в неизвестность благодаря «заботам» японских моряков – она оставила на потом, уверенная в том, что ее размеренное существование может прерваться в любую секунду.

– Если это «потом» настанет, – усмехнулась она, наблюдая, как к пирсу причаливает катер, выкрашенный в белый цвет.

Люди, выпрыгнувшие с борта на деревянные мостки, тоже были одеты в легкие белые костюмы, на фоне которых контрастно выделялись смуглые руки и лица. Абсолютное большинство европейцев не различают китайцев от японцев, а последних – от корейцев и вьетнамцев. Агент три нуля один таким навыком обладала. Впрочем, особых умственных затрат сейчас не требовалось – к Наталье шел, утопая туфлями в песке, полковник Кобаяси. Двое его невысоких, но очень широкоплечих соотечественника явно были охранниками.

– Положены по статусу, – лениво подумала Мышка, не подумавшая подняться навстречу номинальному начальству, – хотя полковник, конечно же, понимает, что ничем эти ребята не помогут. Устроить им, что ли, мастер-класс?

Это предложение тоже противоречило той расслабленной неги, которую Наталья напек полковнику никак не желала стряхивать. Она лишь чуть приподнялась, опершись локтями на песок, и кивнув на шезлонги, в которых за неделю вынужденного отпуска ни разу не присела. Кобаяси предложением воспользовался; охрана так же молча заняла положенные места за его спиной, и уставилась на Мышку с видимой опаской и некоторым недоумением – что такого было в этой женщине, которую охарактеризовали как опасного бойца? Лишь одного не было в их взглядах – вполне объяснимого мужского интереса к загорелой женской фигуре, на которой были практически незаметны крохотные лоскутки купальника. Хотя фигура была очень

даже ничего. Наталья одобрительно хмыкнула, и провокационно потянулась. Лица охранников стали совсем каменными, а полковник усмехнулся не менее саркастически. А потом практически слово в слово процитировал своего израильского коллегу – на вполне приличном русском языке.

– И что вы собираетесь теперь делать?

– И вам здарсьте, – лениво махнула рукой Крупина, – лежать буду вот здесь, на песке (она похлопала той же ладошкой рядом с собой). Ждать команды.

– Какой?

– Вашей, – скорчила удивленную физиономию Мышка, – сам же сказал – ни шагу без вашего дозволения. Так что приказывайте – готова выполнить любой приказ. Есть у Японии проблема, которую она не может решить без меня?

Полковник уставился на Наталью в немом изумлении; он невольно воскликнул, явно сам не веря в собственное «бредовое» предложение:

– Есть один «пустячок». Остановить ядерный проект коммунистов Северной Кореи. Ну, и по ходу заставить Ким Чен Ира отказаться от испытаний баллистических ракет.

Наталья одним текучим движением, от вида которого глаза охранников округлились в немом восхищении, оказалась на ногах, по стойке «смирно»; у бейсболки того же телесного цвета замерла рука, только что цедившая сквозь пальцы теплый песок.

– Слушаюсь, господин полковник! – с показным воодушевлением воскликнула она, – задание поняла – остановить ядерный проект, и установить мораторий на испытания ракетных носителей. Срок – до Нового года... устроит?!

Теперь уже и полковник вскочил, уставившись на «своего» агента с открытым ртом. Если бы он знал, что энтузиазм Натальи был совсем не показным; что ее душа сейчас пела – ведь Кобаяси, сам того не подозревая, зажег сейчас красный свет планам полковника Крупинной...

Этот план уже вчера был продуман Серой Мышкой; она видела лишь один изъян в нем – в любой момент могли вмешаться японские кураторы – задать вполне резонный вопрос: «А что вы, госпожа Руфимчик, или, если хотите, Наталья Крупина, делаете в стране нашего самого беспокойного противника? Желаете приобщиться к идеям чучхе? Или надеетесь найти там противоядие от того, что пока мирно дремлет в вашем теле?».

– А может, – размышляла эту неделю Мышка, – и спрашивать ничего не будут. Нажмут какую-нибудь кнопку, как только я пересеку границу КНДР. Интересно было бы посмотреть на лицо корейского пограничника, на глазах которого меня разорвало б на куски.

Теперь же, когда согласие куратора, по-прежнему изумленного и недоверчиво качающего головой, было получено, дело осталось за малым – решить, как попасть в эту, самую закрытую страну мира, которая родила на своей земле много чудес, в том числе и покойного учителя агента три нуля один Нью Го Лая. Полковника Кобаяси в детали плана Мышка посвящать не стала; отговорила тем, что сама пока не знает, в каком обличье попадет в Северную Корею. Куратор уехал, оставив Наталью на острове. О сроках беспрецедентной акции он ничего говорить не стал – лишь скептически улыбнулся еще раз. Очевидно, вспомнил про Новый год...

Крупина, по-прежнему очарованная сказочной красотой Небесного Озера, и сама сейчас удивлялась, как на первый взгляд легко и ловко получилось у нее увлечь своей идеей высшие круги сразу двух государств. Идея была простой; что называется, лежала на поверхности. Нужно было найти государство, или группу лиц, или одного человека, «страдающего» от избытка денег, и желающего купить компоненты ядерного оружия. А потом свести его с руководством Северной Кореи, у которого были аналогичные проблемы, но со знаком минус. То есть – был товар в виде ядерного топлива, но отчаянно не хватало денег.

Нереально? Наверное... Полковнику Крупинной во всей этой фантастической аванюре нужно было лишь одно – запустить процесс, и попасть за железный занавес страны побе-

дившего чучхе. И у нее это получилось! Как-то быстро нашлась полугосударственная структура в Ливийской Джамахерии, представитель которой аж дрожал, когда рассказывал о планах «ливийских патриотов» обзавестись собственной атомной бомбой. Скорее всего, спины этих фанатиков своей злобешней фигурой и золотом, размещенным в западных банках, подпирали тень лидера ливийской революции. Наталье на это было плевать. О том, что тонны урана действительно отправятся с корейского полуострова на Ближний Восток, к границам новой родины Ирины Рувимчик, она поначалу не думала; сама не верила, что эта лихая авантюра может дать какие-то плоды. А потом – к собственному удивлению скромного «переводчика» с арабского языка на корейский, и обратно, в качестве которого Серая Мышка и попала в тайную ливийскую делегацию – договор стал обретать зримые черты. И первая партия урана в две тонны этого злобешнего груза уже готова была к отправке. О том, что этот стратегический продукт ученые-ядерщики называют обедненным, и изготовить из него оружие массового уничтожения попросту невозможно, никто не говорил. Тут уже начиналась область такой высокой политики, что Наталья благоразумно не влезала в эти дебри, понимая, что может лишиться головы быстрее и надежнее, чем при помощи чудес японской взрывотехники.

Зато она склонила руководителя делегации Муарема, который единственный знал о истинном лице (точнее, об одном из лиц) скромного переводчика с благообразным лицом, украшенным короткой бородкой, проявить интерес к легендам древнего корейского народа. И сама ткнула в не очень длинный список предложенных экскурсий. Ее выбор был обусловлен волшебными эпитетами, которые восхваляли и этот вулкан, и высокогорное озеро. Но главным было то, что где-то совсем рядом с ним находился такой же древний монастырь. И назывался он монастырем Серой Мышки. Долгой дорогой от столицы до гор на самой границе с Китаем Наталья поинтересовалась у сопровождавшего их улыбчивого корейца таким необычным названием.

Вонг надолго замолчал, затем опасливо покосился на двух соотечественников в традиционных полувоенных костюмах темно-серого цвета, на непроницаемых лицах которых легко читалась их принадлежность к спецслужбам, но все же ответил:

– Это удивительная история из жизни великого Хвануна. Именно мышь первой приветствовала его пришествие с небес; она же показала ему путь в пещеру, где он провел первую ночь на Земле. Монастырь основали его первые ученики – в той самой пещере. Точнее, там целая сеть нерукотворных пещер. Так ли это на самом деле, я утверждать не буду, потому что вход непосвященным туда закрыт...

Он поколебался, еще раз оглянулся на сопровождение, и надолго закрыл рот. Наталья его опасения поняла – скорее всего, это было связано с именами высших чиновников Северной Кореи; быть может, даже с самим лидером страны, провозгласившей курс следования идеям чучхе. О том, что товарищ Ким Чен Ир давно и крепко, хоть и тайно, связан с древними культами, она знала. Она вообще многое знала об этой удивительной стране, где люди получали в день чуть больше четырехсот граммов еды, но выглядели вполне жизнерадостными, и целеустремленными; где маленький народ не побоялся противопоставить себя остальному миру. Мышка этот выбор не то что одобряла, или, напротив, осуждала. Просто считала, что люди – да хоть вот этот Вонг, опять вернувший улыбку на лицо – вправе сам делать выбор. И если он, и его двадцать с лишком миллионов соотечественников ровными колоннами следуют идеям чучхе, то это... их дело. Сама же она сейчас желала одного – все-таки увидеть таинственный монастырь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.